

В мире творчества

Люди искусства

Острова Ану Каал

Этот рассказ о солистке Государственного академического театра «Эстония», народной артистке СССР Ану Каал мог бы называться и иначе. Например, «Горы Ану Каал». Такой заголовок был бы тоже правомерным. И все же — острова, хотя собственно географии мы носимся лишь постольку-поскольку.

... Сейчас ей кажется, что она пела всегда. Особенно легко пелось в детстве, ни одна нота не казалась высокой. Спасибо ему, голосу. Он явился когда-то не только щедрым подарком судьбы — голос расцветивал и делал огромным мир, был обещанием найти себя в нем, ощутить по-настоящему счастливой. Все сбылось, пришло, наступило. Впрочем...

На втором курсе Ану едва не была отчислена из музыкального училища. Приговор педагогов был суров и однозначен — полное отсутствие данных и перспективы. С Ану, действительно, происходило что-то непонятное и неладное. Позже она найдет объяснение случившемуся: в детстве — пелось как пелось и все получалось. В училище ее стали учить петь правильно. А, разучившись петь, как в детстве, петь, как надо, она еще не научилась и... Спасла Ану педагог Людмила Исакова. В конце концов все обошлось, но для самой Ану случившееся (о тучах, сгустившихся над ее головой, она узнала, кстати, лишь несколько лет спустя) стало уроком на всю жизнь. Сегодня она хорошо понимает, что категоричность в искусстве не всегда главный критерий оценки, что только «да» или «нет» порой еще ничего не решают.

У А. П. Чехова есть рассказ «Он и она», повествующий о знаменитой певице, недостойной своего прекрасного голоса. Осуждает ли писатель свою героиню, жалеет ли ее? Не в этом по сути дело. Скорее Чехов размышляет о предназначении таланта, о том, какую огромную ответственность накладывает он на того, кому дан. Какое это непростое дело — ответственность перед собственным даром, особенно тогда, когда все, казалось бы, складывается, складывается счастливо, не дает поводов для сомнений и тревог. А они все равно есть, потому что талант невозможно представить вне сомнений. Ну, хорошо, голос — это голос. Но может ли он существовать лишь сам по себе? Может ли волновать, если не слышны в нем радость или горечь, смутнение или счастье? Если не идет от сердца? Да и смогут ли твои герои отчаиваться или не сдаваться по-настоящему, если ты не наделишь их, вымышленных, этой своей способностью быть счастливыми или к счастью стремиться? И вдруг стало понятным то, что на первый взгляд может показаться неожиданным и нелогичным, — Ану Каал не хочет всего лишь принадлежать своему голосу. Ей этого мало. Как человеку мало, как актрисе. Не случайно же так тянет ее сыграть однажды в драматическом спектакле, где вокальные данные будут не так уж важны. Не случайно же так непохожи друг на друга мятущаяся Виолетта и неунывающая Мария из «Дочери полка» Г. Доницетти, гордая Роксана из «Сирано де Бержерака» Э. Тамберга и такая слабая

и вместе с тем такая сильная Луиза Миллер. А рядом с ними Лючия ди Ламмермур, Джильда и еще многие и многие, принадлежащие разным эпохам и временам, очаровательные, женственные, драматически непростые. Что в них любить, за что осуждать? Как вообще относиться к ним с позиции сугубо современного человека, видевшего чуть ли не весь мир от Мадагаскара до Исландии и при этом замирающего при мысли о предстоящей новой встрече с горами.

В том, как Ану Каал нежно и трогательно любит горы, есть нечто роднящее ее с романтическими героинями классических опер, по всей вероятности, в горы никогда не ходившими. Ведь любовь к высоте не сулит никаких выгод и благ... кроме ощущения счастья. Счастья восхождения, счастья усталости. Называется все это просто до прозаичности — горный туризм. Был когда-то в жизни Ану и альпинизм, но это когда-то... Идешь по узкой тропинке вверх, а вокруг столько красоты, что охватить ее не хватает никаких глаз... Нескольких часов пути вверх, и — привал. Теперь можно сбросить рюкзак. У Ану он обычно полегче, килограммов 18, у дочки Тээне тоже не слишком тяжелый, а вот Калеву, мужу, всегда достается, у него рюкзак килограммов под сорок. Памир, Тянь-Шань, Карпаты, конечно, Кавказ, даже в Альпах бывали. И каждый раз поднимались минимум на три-четыре тысячи метров. Все вверх, вверх...

Как это просто — быть счастливой, любить мужа, дочку, а еще — хорошую погоду, желтизну осенних листьев, запах моря, разреженный воздух высоты. Но можно ли при этом забывать о них — Виолетте, Роксане, Марии, Луизе Миллер? Да и как не помнить о них, когда они не просто твои, а часть тебя самой, твоя удача или вечное твоё сомнение.

Знаменитую арию Виолетты из первого действия «Травиаты» Ану выучила еще в консерватории. Бывает так, все делаешь, кажется, верно, звучишь прекрасно, а что-то в тебе со сделанным не соглашается, и ничего с этим не поделаешь. Шло время, в Италии, в «Ла Скала» Ану подготовила партию Виолетты целиком, теперь спела ее уже около сотни раз, а ария из первого действия, по убеждению певицы, как следует не идет. Может быть, она сложна сверх меры? Нет, Каал поет многое, что в техническом отношении потруднее. В чем же тогда причина? Поспешила тогда в консерватории, не терпелось спеть Виолетту (какая певица о ней не мечтает?), а надо было бы повременить тогда немного. И все же Виолетта — одна из любимейших среди спетых ею партий. Сейчас Ану поет ее нечасто и перед каждым спектаклем вновь перечитывает «Даму с камелиями», вслушиваясь в свою героиню, стараясь угадать в ней то, чего до сих пор

не знала. А ведь знает, кажется, буквально все.

И разве происходит так только при встрече с Виолеттой? Вот — Луиза Миллер. Как нелегко в этой опере Верди последний акт, сорок минут на площадке, две тяжелейших сцены. Сначала — с отцом, потом — с Родольфо. И нет ни единой паузы, чтобы хоть на секунду выйти за кулисы, перевести дыхание. В эти сорок минут выкладываешь себя всю без остатка, чтобы потом медленно отходить в своей гримерке, испытывая все ту же подавленную творчеством и горами радость усталости на обретенной только что высоте.

Арию Розины из «Севильского цирюльника» Дж. Россини Ану Каал поет в концертах. Другой встречи с этой очаровательной притворщицей у них пока не получалось. Обидно, конечно, но жизнь есть жизнь, и планы театра не всегда совпадают с твоими планами. Идет время, и если встреча с Розиной еще возможна, то Джульетта, о которой столько мечталось, или Наташа Ростова теперь уже вряд ли будут ею спеты. Были мечтой, а стали суетным щемлящим воспоминанием о несбывшемся, не происшедшем, не прожитом. Такие воспоминания тоже нужны, с ними ты сильнее, мудрее, ибо неизбежные потери в прошлом заставляют больше дорожить тем, что имеешь сегодня, что хочешь сделать завтра. А сделать хочется много. Есть, например, опера Ж. Оффенбаха, написанная по мотивам сказок Гофмана. В ней три героини — Олимпия, Джульетта, Антония. Разные женщины, характеры, но в практике мирового театра известен случай, когда все три партии исполнила одна певица. Но если бы и не был известен даже — все равно заманчиво.

А разве не интересно было Ану встретиться с героиней оперы Дж. Менотти «Телефон»? В этой одноактной опере всего два персонажа — мужчина и женщина. Есть еще телефон, по которому они говорят друг с другом, такие близкие и несоединимые. Кусочек жизни длиной в 26 минут — так можно сказать о «Телефоне». Она ничем не знаменита, героиня Ану, любовь ее не назовешь счастливой. И все же завидуешь этой любви.

В последних числах февраля народная артистка СССР Ану Каал спела главную женскую партию в новом спектакле театра «Эстония» — опере Б. Сметаны «Проданная невеста». Ее Маженка — веселая деревенская девушка, знающая цену себе и верящая в свое счастье. Опять — счастье... Ану Каал ищет его для каждой своей героини, но знает, что найти — словно достичь далекого острова, дорогу к которому так сразу и не сыскать. Но искать все равно надо.

Н. КИРИЛЛОВ.

Фото Ю. Венделина. (ЭТА).

